

Перевод: Simlirr

Редакция: Naides

Вернувшись домой, Минлань немедленно призналась пожилой госпоже Шэн о случае с грязью. Лёжа на кровати луохань, пожилая госпожа молча выслушала её. Закончив рассказывать, Минлань взволнованно спросила:

— Бабушка, вы думаете, я поступила неправильно?

Пожилая госпожа покачала головой и, погладив Минлань по голове, неторопливо произнесла:

— Ты не сделала ничего плохого, и твоя четвёртая сестра вряд ли станет жаловаться на это твоему отцу. Но всё же...

Минлань затаила дыхание.

—...боюсь, избежать удара в спину будет куда сложнее, чем победить в открытом столкновении.

Поразмыслив немного, Минлань поняла, что пожилая госпожа имела в виду.

— Послезавтра папа будет отдыхать. Я отправлю ему новые туфли, которые я сшила для него, — подняв глаза, ответила она. — Бабушка, прошу, притворитесь, что вы не знаете о случившемся.

Пожилая госпожа кивнула.

Наступил выходной Шэн Хуна. Сказав Чанфену и Чандуну, чтобы те трудились усерднее, Шэн Хун с самого утра занялся каллиграфией в своём кабинете, дабы продолжить самосовершенствоваться и не растерять свои навыки за годы чиновничьей службы.

Его занятия прервала Минлань, вошедшая в кабинет с милой улыбкой на лице. Увидев её, Шэн Хун слегка нахмурился. Он выглядел неприветливо, но Минлань не обратила на это внимания, достала новые туфли, которые она сшила, и протянула их отцу. Велев слугам помочь ему надеть их, она отошла в сторонку и принялась с улыбкой ожидать похвалы.

Когда Шэн Хун просунул ноги в эти толстые шерстяные туфли, он отметил, что они были мягкими и удобными. Пошевелив ногами, чтобы убедиться, что туфли хорошо сидят на нём и

принялся вспоминать о всех тех вещах, которые Минлань сделала для него. В его душе разлилась теплота. Придя к выводу, что его дочь явно почитала своих родителей, он похвалил её:

— Какая же у меня хорошая дочь!

Услышав это, Минлань радостно подбежала к Шэн Хуну и, ухватившись за его рукав, принялась рассказывать ему обо всём, что происходило с ней в последнее время. Минлань была красноречивой и, пока она рассказывала различные смешные истории, Шэн Хун периодически не мог сдержать смеха.

—...С иголкой совладать так же сложно, как и с кистью для письма, — с напускной грустью сказала Минлань. — Как бы хорошо я её не держала, она не слушается. Но стоит мне только потыкать ею в твёрдый напёрсток, она сразу начинает вести себя хорошо. Кажется, я поняла: иголке просто очень нравится задирать меня!

Вытянув вперёд свои руки, она продемонстрировала Шэн Хуну исколотые иголкой пальцы. Это одновременно тронуло и развеселило его. Он весело засмеялся. У Минлань прекрасно получалось быть милашкой, когда она того хотела. Какое-то время Шэн Хун задумчиво разглядывал лицо своей дочери, после чего, наконец, спросил:

— Несколько дней назад, когда ты была в храме Гуанцзи, зачем ты бросила в свою четвёртую сестру кусок грязи?

На мгновение у Минлань перехватило дыхание.

«Наконец-то!» — подумала она. Широко распахнув глаза, Минлань ошеломлённо посмотрела на Шэн Хуна и сбивчиво спросила:

— Это... Это четвёртая старшая сестра так вам сказала?

Шэн Хун молчал, явно не торопясь отвечать. Прошлой ночью он ночевал в покоях наложницы Линь и там он наткнулся на плачущую Молань, которая пожаловалась ему на злодеяние Минлань. Наложница Линь тоже выглядела заплаканной, поэтому Шэн Хун разозлился и уже собирался отправиться наказывать Минлань, но наложница Линь остановила его.

«Мой господин, шестая юная госпожа — любимица пожилой госпожи», — сказала она. — «Если вы накажете её из-за Молань, пожилая госпожа перестанет к ней хорошо относиться. Разве тогда сможем я и моя дочь жить здесь в мире и спокойствии? Мой господин, прошу, проявите жалость к нам, пусть этот конфликт закончится и не будет разрастаться...»

Говоря это, она не прекращала кланяться перед Шэн Хуном, и после этого несколько раз отметила, что Минлань пользуется любовью пожилой госпожи и часто задирает Молань. Этого

вполне хватило для того, чтобы Шэн Хун пришёл в ярость. Но, несмотря на это, он пообещал наложнице Линь не раздувать конфликт и сдерживался до этого самого момента, хоть его уровень недовольства и рос со временем. Однако сегодня, придя к нему, Минлань произвела на него впечатление невинной послушной девочки, поэтому Шэн Хун не сумел сдержаться и всё-таки решил выяснить, что произошло.

— Не спрашивай, от кого я узнал об этом! Просто ответь: действительно ли ты это сделала, и если да, то зачем? — после этого тон его голоса слегка смягчился. — Это всего лишь ссора между сёстрами. Если ты поступила неправильно, просто извинись перед ней.

К его удивлению, Минлань не стала ничего отвечать. По её щекам покатались слёзы, и она яростно кусала свои губы, но она продолжала молчать. Глядя на него заплаканными глазами, она, всхлипывая, произнесла:

— Папочка, вы правда думаете, что я глупа и стану заниматься чем-то подобным?

Услышав этот вопрос, Шэн Хун засомневался. Он вспомнил, что последние годы Минлань вела себя хорошо и никогда не нарушала правил.

— Я что-то не знаю? — спросил он.

Всё это время Минлань опасалась того, что Молань сделает что-то у неё за спиной, и последствия наступят её раньше, чем она успеет что-то предпринять. Но сейчас, когда все карты были уже выложены на стол, она почувствовала облегчение.

— Папочка, пожалуйста, позовите сюда четвёртую старшую сестру, — сказала она милым голосом. — Нам не следует обсуждать это за её спиной несмотря ни на что.

Немного поразмыслив, Шэн Хун махнул слугам, и те отправились за Молань. В тот момент Молань занималась каллиграфией в своих покоях, и, услышав, что Шэн Хун зовёт её, она взяла листы, где надписи вышли лучше всех, чтобы показать отцу. Но, к её удивлению, когда она вошла в комнату, она увидела там заплаканную Минлань и утешавшего её Шэн Хуна. Шэн Хун не выглядел расстроенным, скорее он относился к Минлань как к наивному ребёнку, уговаривая её:

— Не плачь, это был всего лишь кусок грязи. Даже если ты была неправа, твоя сестра простит тебя...

Услышав это, Молань почувствовала, как по её спине пробежал холодок.

Слова Шэн Хуна не возымели никакого положительного эффекта: Минлань продолжала молча стоять и периодически всхлипывать. Увидев Молань, она тут же спросила её:

— Папа сказал, что несколько дней назад я бросила в тебя грязь. Ты действительно сказала ему это?

Услышав это, Молань немедленно подняла глаза на Шэн Хуна с немым вопросом «Почему папа не держит своё слово?» Поймав её взгляд, Шэн Хун почувствовал смущение и принялся активно играть роль отца.

— Так, вы обе здесь, так что давайте проясним всё, — сказал он.

Минлань шагнула вперёд и схватила Молань за рукав.

— Отвечай, отвечай. Если это действительно так задело тебя, просто проучи меня как глупую младшую сестру. Что ты сказала папе у меня за спиной такого, что не хочешь говорить об этом сейчас? — слегка дёргая за него, принялась спрашивать сквозь слёзы она.

Поймав испепеляющий взгляд Шэн Хуна, Молань сквозь стиснутые зубы ответила:

— Ну да. Ты бросила в меня грязь, разве нет?

— Хорошо, тогда, сестрица, не могла бы ты сказать папе, из-за чего мы спорили, что мне пришлось прибегнуть к таким жёстким мерам и аж швырнуться в тебя грязью? — ответила Минлань, аккуратно вытерев слёзы.

— О чём-то, не могу вспомнить... — покраснев, пробормотала Молань и больше не отвечала на дальнейшие расспросы.

— За все эти годы я никогда не ругалась с моей четвёртой старшей сестрой, — повернувшись к Шэн Хуну, возмутилась Минлань. — Даже если между нами что-то происходило, на следующий день я относилась к ней спокойно. Папочка, прошу, подумайте, почему я стала бы так позорить свою сестру на публике?

Взволнованный взгляд Молань вызвал у Шэн Хуна подозрения. Он вспомнил о том, как Жулань и Молань постоянно ссорились, и, нахмурившись, спросил:

— Ты что, оклеветала свою младшую сестру?

Молань начала нервничать ещё больше. Продолжая молчать, она принялась лихорадочно тереть глаза, пытаясь выиграть хоть немного времени. Однако к её удивлению молчание нарушила Минлань:

— Нет, отец, я действительно бросила грязь в свою сестру, но я не считаю, что поступила неправильно.

Это ещё больше озадачило Шэн Хуна. Заметив это, Минлань вкратце спокойно обрисовала всё, что произошло в тот день. Пока она говорила, Молань краснела всё больше и больше, а Шэн Хун выглядел всё более и более разгневанным. Под конец он хлопнул рукой по столу и возмутился:

— Ах ты, невоспитанная девчонка! Разве ты не знаешь, сколько мужчин было там, в сливовой роще?! Как ты осмелилась решиться пойти туда?! Почему ты такая бесстыжая?!

Молань почувствовала, что у неё подкашиваются ноги. Упав на колени, она принялась плакать и оправдываться:

— Я не хотела... я просто... увидела прекрасную стену с девятью драконами и хотела осмотреть её целиком. Но сёстры принялись осмеивать меня и я разозлилась и из упрямства решила идти дальше.

Глядя на это, Минлань торопливо опустилась на колени и, взяв Молань за рукав, со скорбным видом спросила:

— Сестрица, подумай. Неважно, насколько хороша стена девяти драконов, разве она может быть важнее, чем честь твоего отца? Ты же знаешь, насколько папа осторожен. Это важно для его карьеры чиновника. Даже если мы, дочери, не можем понять его проблем, то хотя бы не должны создавать новых. Там, в сливовой роще, в тот момент было множество известных господ из столицы! И если бы они увидели тебя, то тогда, тогда...

У Минлань пересохло в горле, и ей трудно было говорить дальше. Она отвернулась и расплакалась, закрыв лицо руками. Шэн Хун в ярости смахнул со стола чайную чашку и та, ударившись о стену, разлетелась на осколки. Его лицо было пурпурным от гнева, а руки дрожали.

— Хватит плакать! — рявкнул он на Молань. — Ты старше, но твоя сестра куда более зрела и мудра! Как тебя воспитывали? Ты считаешь, что все остальные дураки?! Бесстыжее создание! И ты посмела ещё и наговаривать на свою сестру!

Это был первый раз, когда Шэн Хун так отчитывал Молань, поэтому она расплакалась ещё сильнее. Минлань тоже не сидела молча. Она подвинулась поближе к Шэн Хуну и, взяв его за рукав, искренне произнесла:

— Тогда я подумала, что моя сестра просто не понимает, что творит. Я боялась, что бабушка сильно накажет её, поэтому я решила сама разобраться с проблемой. Я даже побоялась рассказывать об этом бабушке, потому что мы всё-таки сёстры, и нам следует преодолевать разногласия. Но я не ожидала, что сестра будет клеветать на меня у меня за спиной.

Минлань выглядела расстроенной и потерянной, её плач вызывал у Шэн Хуна жалость. Повернувшись к Молань, Минлань тихо спросила:

— Четвёртая старшая сестра, скажи, почему ты так поступила со мной?

Казалось, она сильно страдала от того, что близкий человек предал её. Молань была ошеломлена этим. До этого никто не мог сравниться с ней и её матерью в притворстве и особенно в притворных слёзах. И сейчас, когда она привыкла, что у них совершенно не было соперников, она столкнулась с непреодолимым для неё уровнем мастерства.

Минлань упала на пол у ног Шэн Хуна. Она выглядела такой расстроенной, что у Шэн Хуна сжималось сердце. Он поднял Минлань и усадил её в кресло, после чего повернулся к Молань и ткнул в неё пальцем.

— Ты позор семьи! — воскликнул он. — Я так любил тебя, а ты совершила такой отвратительный поступок! Твоя младшая сестра пыталась остановить тебя ради блага всей семьи, но ты возненавидела её за это и даже посмела мстить! И всё это в столь юном возрасте! Разве можешь ты вообще быть членом нашей семьи?! Кто-нибудь, позовите Ван Ши!

Ван Ши в тот момент учила Жулань вести учётные книги. Жулань не сиделась на месте, она хотела сдать уже после двух ошибок. Это расстраивало Ван Ши, и она уже собиралась начать отчитывать свою дочь, как вдруг пришли хорошие новости: её вызывал Шэн Хун. Она торопливо направилась в его кабинет и обнаружила там мрачного как тучу мужа, проклинавшего Молань на чём свет стоит, и сидевшую рядом плачущую наложницу Линь.

Ван Ши выслушала всю историю вкратце и услышанное несказанно порадовало её. Видя, что Минлань находится чуть ли не на грани потери сознания, она тут же вошла в роль любящей матери и приказала слугам отнести её в комнату, где она сможет отдохнуть. Из-за этого Минлань не застала того, что происходило позднее.

Однако вечером Жулань, которая буквально лучилась радостью, с удовольствием пересказала ей всё. В итоге Молань побили розгами тридцать раз по каждой руке. Помимо этого её ожидали полгода домашнего ареста и запрет на чтение любой литературы, кроме «Образца женщины», который она, к слову, должна была переписать сто раз.

Ван Ши пыталась втянуть в это наложницу Линь, однако Молань упрямо настаивала на том, что её мать тоже была обманута ею. Но в конце концов наложница Линь всё-таки получила пятьдесят ударов розгами и три месяца домашнего ареста.

— Ты знала обо всём этом? — проворчал Шэн Хун, лёжа в постели и скорбя по безвозвратно потерянному выходному.

Ван Ши, сидевшая перед зеркалом и аккуратно намазывавшая своё лицо кремом, спокойно ответила:

— Да, Жулань рассказала мне сразу же, как они вернулись.

— Тогда почему ты не рассказала об этом мне?! — воскликнул Шэн Хун, раздражённо хлопнув рукой по кровати.

Ван Ши пребывала в прекрасном расположении духа и даже переделалась в новую пижаму из красного шёлка, расшитую золотыми лотосами. Повернувшись к Шэн Хуну, она счастливо улыбнулась.

— Разве я имею права наговаривать на них? — ответила она. — Ты всегда обвинял меня в том, что я узко мыслю и недолюбливаю четвёртую дочь. Зачем мне было рассказывать? Даже Жулань просила меня не говорить об этом, боясь, что я могу попасть в немилость.

Ван Ши намеренно протянула последние слова, словно дразня Шэн Хуна. Шэн Хун не знал, что на это ответить.

Встав, Ван Ши грациозно подошла к кровати и улыбнулась.

— Я думаю, теперь-то всем ясно, насколько крепкий орешек эта четвёртая девочка. Думаю, я не ошибусь, сказав, что десять Жулань проиграют в интригах половине Молань. Жаль, что такие навыки используются не на пользу семьи.

На мгновение Шэн Хун почувствовал злость, но он сдержался и спросил:

— Думаешь, пожилая госпожа тоже ни о чём не знала?

— Пожилая госпожа не терпит подобных вещей. Если бы она знала, могло бы это остаться незамеченным вплоть до сегодняшнего дня? — рассмеялась Ван Ши. — Кстати, это было так мило со стороны шестой девочки — она скрыла всё от пожилой госпожи, чтобы защитить лицо четвёртой дочери. А на такую доброту в итоге ответили не благодарностью, а ненавистью.

Ван Ши чувствовала глубочайшее удовлетворение, насмехаясь над Молань.

Шэн Хун вздохнул и покачал головой.

— Всё благодаря воспитанию матушки, — сказал он. — Минлань оказалась хорошей и воспитанной девочкой, которая старается поддержать гармонию в своей семье, — сказав это, Шэн Хун резко сел в кровати, словно его озарило, и воскликнул. — Больше не пускай четвёртую дочь к Линь! Ей не стоит продолжать и дальше учиться подобным дьявольским трюкам!

Шэн Хун прекрасно знал о приёмчиках наложницы Линь, но из-за связывавших их отношений, спускал с рук большую их часть. А за то, что он не мог перетерпеть, он просто отчитывал её и напоминал, что нужно следовать правилам. Раньше он думал, что наложница, живущая во внутренней части поместья, не приведёт ни к каким серьёзным последствиям. Однако его так

возмутило поведение его дочери, что он решил отныне разделить мать и дочь.

— Хватит плакать! Я знаю, ты чувствуешь себя отвратительно. Но это же всё вина Молань! Давай просто игнорировать её!

Ранее Жулань успела сполна насладиться сценой, о которой давно мечтала. Радость от того, что Шэн Хун отругал и побил Молань, трансформировалось в терпение с которым она успокаивала Минлань, виновницу её торжества. Но даже после длительных уговоров, Минлань продолжала плакать, так что Жулань, не выдержав, воскликнула:

— Да почему ты всё ещё плачешь!

Минлань, опустив голову, вытирала глаза носовым платком, и думала:

«Чёрт, масло османтуса было очень эффективным. Даже лучше, чем говорилось в рекламе!»

<http://tl.rulate.ru/book/5280/829964>